

Сун Нин вернулся с посёлка и очень быстро уснул. Сегодняшняя постель оказалась необычайно удобной — мягкая, пухлая, лежать на ней было словно на облаке.

Ему снилось, что он с радостью несёт корзинку и покупает кунжутные сладости. С улыбкой он подносит кусочек кунжутного сахара Вэй Ху, кормит его с руки, и мужчина, который обычно ходит с холодным лицом, вдруг улыбается ему — Сун Нин был так счастлив.

В следующий миг он уже разжигает огонь на кухне и готовит еду, но он не умеет топить печь, и в итоге вся кухня загорается. Потом он принимается жарить, а на выходе получается неизвестно что — целая тарелка чёрной, непонятной массы.

Свекровь тычет в него пальцем и бранится, крича, что в их дом привели невестку-предка: ни огонь развести, ни еду приготовить не умеет, надо гнать его из дома.

Сун Нин хочет найти Вэй Ху, но тот говорит, что он слишком глуп. Тогда он идёт искать бабушку Чжан, но сколько ни ищет — найти её не может. Вдруг снова появляется Вэй Ху. Сун Нин в радости бросается к нему и обнимает, но в тот же миг Вэй Ху внезапно превращается в огромного пёстрого тигра со злыми глазами и одним укусом впивается ему в шею!

«Сун Нин, Сун Нин...»

Услышав тревожное, беспокойное хныканье маленького гера, Вэй Ху поднялся и зажёл масляную лампу. Сун Нин лежал, нахмутив брови, с выражением ужаса на лице, весь лоб был покрыт потом. Вэй Ху окликнул его пару раз — тот не проснулся. Видно, испугался рассказов, что мать сегодня на ночь рассказывала.

Пришлось протянуть руку и слегка толкнуть его. Мальчишка на постели резко распахнул глаза.

«Всё хорошо. Что за кошмар приснился?»

Сун Нин, едва открыв глаза и увидев Вэй Ху, снова перепугался, инстинктивно прижал к себе одеяло и чуть отпрянул назад:

«Не ешь меня!»

Рука Вэй Ху на мгновение застыла в воздухе, затем он убрал её.

«Пойду налью тебе тёплой воды».

Накинув одежду, Вэй Ху вышел за водой. В кухне на углях ещё грелась кастрюля с водой — он налил чашку и понёс обратно. Скрип двери разбудил Чэнь Цуйхуа в восточной комнате.

«Ху-цзы, ты чего встал?» - спросила она.

Ей и думать не нужно было, чтобы понять, что это Вэй Ху: будь во дворе чужой, Хэй До и Хуа До давно бы залаяли.

«Это я, воды попить встал».

«Ложись, уже поздно».

«Знаю».

Вэй Ху протянул Сун Нину горячую чашку. У того сердце всё ещё бешено колотилось — он и правда сильно перепугался. Он не хотел, чтобы его выгнали из дома Вэй, и уж тем более не хотел, чтобы его съел тигр.

Сделав пару глотков, Сун Нин понемногу пришёл в себя. Вэй Ху забрал у него грубую глиняную чашку.

«Сейчас ещё даже полночь. Спи».

Снаружи стояла непроглядная тьма; даже крошечное пламя лампы едва освещало комнату. Чёткие, резкие черты лица Вэй Ху в свете лампы казались суровыми. Сун Нин вспомнил тигра из сна и поспешно снова залез под одеяло.

Вэй Ху тоже лёг рядом, укрывшись лишь уголком одеяла. Сун Нин не мог уснуть — ему хотелось, чтобы его обняли, но сейчас он немного боялся Вэй Ху.

Половину лица он спрятал под одеялом и тихонько ворочался, не находя покоя.

«Кошмар приснился?» - спросил Вэй Ху.

Сун Нин больше не решался вертеться. Он тихо отозвался "угу", затем чуть высунул лицо и несколько раз глубоко вдохнул.

«Вэй... Вэй Ху, мне приснилось, что ты превратился в большого тигра и хотел меня съесть».

«Я людей не ем».

В голосе мужчины слышалась лёгкая хрипотца только что проснувшегося. От этого у Сун Нина защекотало в ушах. Он не стал говорить, что во сне его ещё и выгнали за то, что он ничего не умеет делать дела по дому.

Страх всё ещё не отпускал его. Он даже не решался посмотреть на собственные руки, поэтому протянул одну к Вэй Ху.

«Вэй Ху, посмотри... мой мизинчик ещё на месте?»

Вэй Ху тихо кашлянул, опасаясь, что рассмеётся вслух: у маленького гера кожа тонкая, обидится — и глазом моргнуть не успеешь.

Он внимательно посмотрел на протянутую руку: пальцы у Сун Нина были как из красивого нефрита — ни мозолей, ни даже тонкой огрубевшей кожи.

«На месте».

«Тогда... тогда посмотри ещё вот эту, она тоже на месте?»

Сун Нин поспешно протянул вторую руку. Вэй Ху, сдерживая улыбку, ответил:

«И эта на месте».

Едва он договорил, как услышал рядом длинный, облегчённый выдох.

«Спи, ещё рано вставать».

Но Сун Нин всё равно не решался заснуть. Сгорая от стыда, он выдавил:

«Вэй... Вэй Ху, ты можешь обнять меня, пока я сплю?»

Хоть голос у него был совсем тихий, в ночной тишине Вэй Ху расслышал каждое слово — и сделал вид, что ничего не услышал.

Но гер пододвинулся ближе. Тёплая рука коснулась его руки. Вэй Ху на мгновение окаменел и тут же отодвинул его обратно, к стене.

Оттолкнутый Сун Нин растерялся: зачем его толкать?!

В его голосе зазвучала обида:

«Вэй Ху, обними меня... мне страшно».

«Нельзя».

После того как Вэй Ху ответил, ему стало уже не так стыдно, наоборот — он набрался смелости и прямо спросил, почему нельзя.

Вэй Ху от такого прямого вопроса растерялся и не знал, что ответить.

«Нельзя — значит нельзя».

«Но мы же поженились... обними меня».

Сун Нин снова хотел пододвинуться ближе, но Вэй Ху одной рукой прижал одеяло, не дав ему приблизиться. Сун Нин рассердился, отвернулся и больше с ним не разговаривал.

Вэй Ху был немного беспомощен. Он украдкой взглянул на лежащего рядом гера — было видно лишь его круглый затылок.

«Спи, я за тобой присмотрю».

В ответ он услышал лишь, как гер резко дёрнул одеяло. Вэй Ху усмехнулся — он впервые видел, чтобы этот тихий мальчишка сердился.

Он не стал тушить масляную лампу, просто закрыл глаза и дремал, не погружаясь в глубокий сон. С первыми лучами рассвета Вэй Ху поднялся и отправился в горы рубить хворост. Чэнь Цуйхуа тоже встала рано: деревенские люди привычны к труду и поднимаются с рассветом. Даже сейчас, в межсезонье, все вставали либо за дровами, либо косить сухую траву.

Чэнь Цуйхуа закинула на спину деревянную раму— собралась идти в горы резать лианы.

«А Нин-гэ ещё не встал?»

«Угу, вчера поздно лёг».

Услышав это, Чэнь Цуйхуа обрадовалась: молодая пара, полная сил, может и спать лечь позже — это как раз нормально. Ночью Вэй Ху наверняка вставал греть воду, а её ещё пытался обмануть, мол, просто попить вставал. Она-то в это ни капли не верила.

«Тогда пусть Нин-гэ поспит подольше, не дай бог устанет».

«Понял, мама».

Чэнь Цуйхуа понизила голос:

«Я ночью вставала и видела, что лампа горит. Масло-то такое дорогое, разве можно всю ночь что бы горело?»

Ей было жалко лампадного масла. Вчера Вэй Ху потратил несколько лян серебра на вату и хлопчатобумажную ткань для Сун Нина — это её не расстроило. А вот то, что лампа горела всю ночь, сердце щемило.

Чэнь Цуйхуа просто считала, что где надо — экономить, а где надо — тратить. Она с юности привыкла к бережливости: в деревне живут бедно, лампы стараются не зажигать надолго. Готовят, пока ещё не стемнело, а поели — делать особо нечего, так и ложатся спать пораньше.

Вэй Ху тихо кашлянул:

«Мам, ты вчера своими историями Нин-гэ напугала».

«Ой-ой, тогда больше не буду рассказывать».

После этого они разошлись каждый в свою сторону и отправились в горы. Солнце ещё даже не показалось, на востоке лишь алела полоска зари, а в деревне люди уже один за другим выходили на работу. Не будешь усердным — и хвороста не соберёшь, а зимой тогда только мёрзнуть и останется.

Чэнь Цуйхуа с деревянной рамой за спиной пошла искать лозу. По дороге ей встретились односельчане, тоже шедшие в горы за дровами.

«Цуйхуа, чего это ты одна? А где твоя невестка? Почему не с тобой?»

«Нин-гэ дома готовит» - на ходу ответила Чэнь Цуйхуа.

Перекинувшись парой пустых слов, она занялась делом.

Ли Гуйфэнь, услышав это, пробормотала дочери Ли Сяолянью:

«Какая ещё готовка... я только что мимо их дома проходила — в кухне и дымка не было».

Рядом стояла молодая женщина; она прикрыла рот ладонью и засмеялась:

«Новобрачные — разве они рано встают? Ли Гуйфэнь ты всё о чужих делах переживаешь».

Цю-гэ тоже расхохотался:

«Вот именно, Ли Гуйфэнь, чего вы за ними всё время подглядываете?»

Ли Сяолянью была ещё незамужней девушкой. Она топнула ногой:

«Мам, ну что вы такое говорите! Я домой пойду!»

Сказав это, она подхватила корзинку и ушла. Про Вэй Ху говорили, что он женился на гере из посёлка — ей хотелось своими глазами посмотреть, как тот выглядит.

Ли Гуйфэнь злобно зыркнула на Цю-гэ:

«А ты чего так рано поднялся? Ты ж сам не так давно женился».

Цю-гэ покраснел до ушей, но в долгу не остался и тут же ответил:

«Ли Гуйфэнь, если вставать не хочется, так вы бы тоже своего мужа обняла, да спали».

«Ты!..» - Ли Гуйфэнь от злости аж слова потеряла. «Откуда у меня муж? Этот проклятый мужик ещё пару лет назад спился до смерти!»

Цю-гэ больше не стал с ней связываться: позавчера его Сунь Дачжуан ещё просил, чтобы он сходил познакомиться и поиграть с мужем Вэй Ху.

Когда Сун Нин утром проснулся, дома он был один. Даже две борзые куда-то ушли — видно, увязались вместе с хозяевами.

Умывшись, Сун Нин не знал, чем заняться. Он несколько раз обошёл двор: Вэй Ху и его мать ушли работать, а когда вернутся, надо будет готовить. Значит, он сам приготовит.

Сун Нин промыл немного риса и высыпал в котёл. Он решил сварить кашу: с утра поедят каши да солёных закусок — и хватит.

Как он ни старался, огонь никак не разгорался. Вечера он своими глазами видел, как Вэй Ху зажжёт очаг легко и непринуждённо. Сун Нин несколько раз подул на огниво и снова попытался развести огонь — из-под плиты повалил густой дым, он закашлялся так, что на глазах выступили слёзы.

Он был весь в хлопотах, когда вдруг услышал у двери кухни тихий смешок. Подняв голову, он увидел молодую девушку, прислонившуюся к дверному косяку и наблюдавшую за ним. На ней было слегка поношенное платье цвета спелых фиников; лицо худое, глаза узкие и вытянутые.

Девушка поставила корзину и подошла ближе. Ловко управившись, она помогла разжечь огонь.

«Ты, наверное, фулан Ху-гэ? Я тебя в первый раз вижу».

Сун Нин кивнул:

«Спасибо тебе».

«Да не за что. Меня зовут Ли Сяолянь, я живу недалеко отсюда. Мы с Ху-гэ с детства вместе росли».

Сун Нин тихо отозвался "угу". Он не понял, зачем она это сказала, но всё равно был ей благодарен: не помоги она — он бы и огонь не развёл.

«Ты не умеешь готовить? Говорят, ты из посёлка?»

«Да».

«Если потом будет что-то не получаться, приходи ко мне — я тебе помогу».

«Спасибо».

Ли Сяолян сегодня пришла лишь затем, чтобы посмотреть, как выглядит фулан Вэй Ху. В деревне все говорили, что он красавец, но, по её мнению, так — ничего особенного.

Перекинувшись с ним парой слов, она сразу ушла. Если мать увидит — опять будет её ругать. Её мама не любила, когда она часто бегала в дом Вэй Ху. Ну и что с того, что она не ладит с тёткой Цуйхуа? При чём тут она, Ли Сяолян?

Вернувшись домой, Ли Сяолян увидела, как невестка сидит во дворе и лушит семечки. Она про себя презрительно скривилась: с самого утра грызть семечки — не боится ведь подавиться.

«Сяолян так рано вернулась? Потом, когда будешь готовить, свари племяннику яйцо».

«Поняла» - отозвалась Ли Сяолян.

Из комнаты высунулся и её брат:

«Сяолян, и мне тоже свари одно».

Ли Сяолян в сердце швырнула корзину:

«Брат, да ты же ничем не занят, с чего тебе яйца есть?!»

«Я вчера спину потянул» - обиделся он. «Что, яйцо съесть нельзя? Эх ты, девчонка...»

Ли Сяолян ушла готовить в соломенный навес. Брат с невесткой оба дома, а всё равно ждут, пока она вернётся и приготовит еду. Не вернись она — они что, с голоду померли бы? Ещё и яйца подавай... пусть бы лучше куриный помёт ели!

А у Сун Нина огонь наконец-то разгорелся, и он этому очень обрадовался. Осторожно подбрасывая дрова, он боялся, как бы пламя не стало слишком сильным и не выкипятила всю воду в котле. Он ведь всего лишь варит рисовую кашу — ничего же не случится, правда?

Вэй Ху, отправившись в горы за дровами, специально вернулся пораньше — чтобы мать не увидела, что Нин-гэ бездельничает, и не стала его попрекать. Издалека он заметил, что из их кухни поднимается дым. Неужели мать уже вернулась? Вэй Ху ускорил шаг.

Подойдя к дому с вязанкой дров за спиной и заглянув в кухню, он увидел Сун Нина, сидящего на маленьком табурете у очага. Заметив, что Вэй Ху вернулся, гер на мгновение обрадовался:

«Вэй Ху, ты вернулся!»

Вэй Ху свалил дрова у двери.

«Что готовишь?»

«Я сварил рисовую кашу!»

Голос у него был радостный, почти восторженный. Вэй Ху и сам невольно улыбнулся:

«Дай-ка посмотрю».

Он приподнял крышку котла и плеснул внутрь ковш воды.

«Воды маловато. Будешь тыкву или батат? В погребе есть»

«Буду!»

<http://bllate.org/book/15163/1354187>